

6. *Монтескье Ш.* О духе законов. Гл. XVI "Что именно следует иметь в виду при составлении законов" // Избранные произведения / Пер. с фр. М., 1955.
7. *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. – СПб., 1867.
8. *Бентам И.* Принципы законодательства. – М., 1896.
9. *Бентам И.* Тактика законодательных собраний. – СПб., 1907.
10. *Иеринг Р.* Юридическая техника / Пер. с нем. – СПб., 1906.
11. *Пиголкин А.С.* Совершенствование законодательной техники // Советское государство и право. – 1968. – № 1.
12. Императрица Екатерина II. О величии России. – М., 2003.
13. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб., 2002. – С. 39-40.
14. *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. – М., 1923.
15. *Успенский Л.* Очерки по юридической технике. – Ташкент, 1927.
16. *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. – М., 1923.
17. *Ушаков А.А.* О понятиях юридической техники и ее основных проблемах. – Пермь, 1961.
18. *Стучка П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига, 1963.

Яровая Владлена Владимировна

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: kvv_161@mail.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 888634371631.

Yarovaia Vladlena Vladimirovna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: kvv_161@mail.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +788634371631.

ББК 67.3

О.А. Андреева

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

В статье исследуется эволюция консерватизма и специфика его репрезентации в российском общественном сознании. Идеи консерватизма становятся востребованы обществом, стремящимся к достижению стабильности и восстановлению традиционных ценностей российского государства и права.

Консерватизм; либерализм; модернизация; эволюция; революция; прогресс; глобализм; право.

O.A. Andreeva

**THE POLICY OF LAW AND TRADITIONAL VALUES RUSSIAN
CONSERVATISM**

The article analyses conservatism's evolution and specificity of its representation in the Russian public consciousness. The ideas of conservatism become claimed by the society aspiring to achievement of stability and restoration of traditional values of the Russian state and law.

Conservatism; liberalism; modernization; evolution; revolution; progress; globalism; law.

В современной России растет интерес к консерватизму как политико-правовому толкованию социальных ориентиров в правотворчестве. Исторически консерватизм является традиционной формой восприятия мира, в том числе и идеологией, определяющей ориентацию политических сил, партий, общественных объединений и движений на перспективу дальнейшего развития. Поэтому важным моментом при реализации консервативной политики в правотворческую деятельность является соотношение правотворчества и правовой политики как субъектов законотворческого процесса. А.В. Малько определяет правотворческую политику как научно обоснованную и системную деятельность официальных и неофициальных структур, направленную на определение стратегии и тактики правотворчества [1]. Поэтому в правотворческую политику в определенной степени входит и консервативная идеология, помогающая обеспечивать полноту конкретного правового акта или юридического действия.

Юридическая техника и правообразующие интересы связаны между собой многими неформальными нитями. При попытке регулирования противоречивых интересов на практике часто игнорируются правила юридической техники, так как противоборствующие силы заботятся не столько о содержании включенных норм и правил, сколько об их техническом качестве. Это одна из причин рыхлости российских нормативно-правовых актов, так как они отражают политико-правовые реалии переходного периода от социализма к капитализму.

Поворот к консерватизму ведущие силы российского «истеблишмента» связывают с окончанием периода радикализма в общественных отношениях и переходом к традиционным ценностям российского менталитета. «Консерватизм есть, – пишет А.Г. Дугин, но какой-то общей консервативной идеологии нет, а значит, не может быть и общей теории консерватизма... Дело в том, что консерватизм не является универсальным. Он всегда, в каждом конкретном обществе и на каждом этапе исторического развития защищает различные комплексы идей, взглядов и ценностей» [2. С. 7]. Консерватизм в таком понимании выступает как умонастроенное определенной социальной группы, класса, а чаще политической элиты, укрепившей свои позиции в государственном механизме и, в частности, в Государственной думе. Следует согласиться, что содержание консервативной идеологии может быть и сходным и противоположным у разных общественных групп, что не является препятствием для его существования в системе идеологических и политических предпочтений.

При этом следует учитывать, что новое – это хорошо забытое старое, так как корни российского консерватизма следует искать в реалиях конца XIX нач. XX вв. Фундаментом российского консерватизма явилось представление об исключительной религиозности и мистицизме русской души, о чем немало было написано философских трудов, постепенно получающих признание в настоящее время. Под консерватизмом российского менталитета подразумевалось традиционное мессианство как вера в особое предназначение русского народа, которая в той или иной форме сохраняется до наших дней. «Русская мысль, утверждая общее и различное – всегда занималась смыслом истории, ее конечной целью, природой человека и его роли в судьбе истории. Русские мыслители создавали крупные теодицеи истории, нагруженные моральными принципами и пропитанные убеждениями, что моральные цели служат двигателем истории» [3]. Мессианизм, был действительно присущ определенным слоям российского общества, так как в силу его социальной позиции целые сословия и даже классы связывали свой смысл жизни не с революционными преобразованиями, а с эволюцией наличных общественных отношений.

Проповедь единения, послушания, взаимной терпимости противоречила духу революции, но не являлась антиобщественной. Посредничество, третейский

суд, мировой суд всегда были в чести у русского народа, поэтому народолюбивые мотивы в русской консервативной философии были, возможно, реакцией на угрозу саморазрушения российской государственности. Поскольку в сложившейся действительности того времени других миротворческих сил не было, постольку философски мыслящая консервативная часть общества обратилась к христианским заповедям, в которых по существу содержатся общечеловеческие ценности, правда не привязанные ни к каким конкретным обстоятельствам. Они в условиях раздробленного общественного сознания оказывали некоторое воздействие на революционный процесс и, возможно, перевели порыв первой русской революции на путь реформации посредством рецепции западноевропейских властных конструкций в государственный организм самодержавной России. В любом случае, эта консервативная идеология оказала влияние на итоги первой революции 1905-1907 гг. в плане пресечения ее перехода в глобальную революцию. Доказательством этому служит общеизвестный факт ее поражения и наступления периода реакции, который, по сути, оказался этапом осмысления концептуальных подходов к общественному развитию, сформированных в консервативной философии начала XX в.

В русском консерватизме особое внимание уделялось мировому значению политико-правовой мысли с позиций антиреволюции в то время, когда взрыв революционно-политических идей буквально подавлял её не только в России, но и на Западе, выдвигая на первый план радикальные политтехнологии. Впоследствии идеи «всеединства», «общего дела», были восприняты не только европейской, но и мировой консервативной мыслью, так как они намечали путь альтернативной классовой борьбе и революциям. Ими же были сформулированы соображения о поливариантном характере истории, который, не отменяя необходимость, допускал в ее рамках определенную альтернативность. Эти идеи стали ответной реакцией на революционные лозунги, несли в себе зародыш новых воззрений, формировавших общественный идеал с позиций консерватизма. Дело в том, что для капиталистического способа производства действительно необходимы и свобода, и равенство, и братство. Выступая против несвободы, буржуазия требовала ее в максимально возможное для рынка воплощение. Равенство в гражданских правах раскрывает деловую потенцию буржуазии, что ведет к созданию большей массы товаров и услуг, а, следовательно, потребительских стоимостей, являющихся непосредственным источником накопления капиталов.

Свидетельством действенности консерватизма на российской почве явился период между двумя революциями начала XX в., когда оставался открытым путь к консенсусу, позволявшему по-новому реформировать российскую государственную систему, которая по общему признанию нуждалась в ней. Взаимные ошибки и конфронтации революционных и антиреволюционных сил нейтрализовали мировоззренческую миссию философского сообщества России, в то время объединившегося организационно вокруг научных журналов, таких как «Вопросы философии и психологии», «Исторические записки», «Новая жизнь» и тематических сборников «Вехи», «Вопросы идеализма». Исследования философии этого периода могут служить источником для более глубокого объяснения процесса развития революционной философско-правовой мысли в России начала XX в., а также средством для восстановления преемственности мировоззренческих традиций.

Ценность российской историософии заключается в том, что в ней удалось создать идеалы большого практического значения, основанные не на рационализме и эмпиризме, а на высших столпах человеческого духа. Это, в частности, глубоко разработано в труде П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины», вся глубина которого раскрывается только в наше время. Укрепление религиозного

миросозерцания подтвердило социально-значимую функцию религии, которая в философском творчестве веховцев была не предметом, а средством конструирования консервативных истин. К этому можно прибавить политтехнологии, с помощью которых добиваются реальной победы, навязывая свою волю революционным движениям и превращая элиты в сторонников своих принципов. Революционные изменения в обществах, достигших определенного уровня организации, могут происходить или по инициативе революционного ядра, т. е. политических партий, или при консенсусе внутри той части общества, которой поручена охрана всего политического организма, и в руках которой сосредоточена материальная и духовная власть. Это помогает мобилизовать консервативные силы путем различных предпочтений или привлечения их к политическому участию в эволюционном процессе правового и государственного реформирования.

«В отличие от кабинетных учений, созерцающих прошлое и настоящее ради познания, – справедливо отмечает А.М. Руткевич, идеологи вовлечены в политическую борьбу. Они неизбежно увязывают споры о прошлом с решением проблем сегодняшнего дня, и проектами будущего» [4]. В плане такой оценки деятелей русской антиреволюции можно рассматривать не только как «религиозных философов», но и как идеологов своего времени, выполняющих заказ классового государства. В связи с этим, их «религиозность» следует рассматривать как эмиссию, с помощью которой политические идеи распространялись в социальной среде в определенных целях, которыми были сохранение и упрочнение государственности России со всеми ее сложившимися атрибутами.

Поэтому не удивительно, что церковь настороженно относилась к своим адептам, рассматривая их мудрствования как своеобразную конкуренцию за умы и души людей. «Времена преобладания идеологических трактовок прошлого, нам хорошо известны: это периоды революций и гражданских войн, – считает А.М. Руткевич, резких социальных изменений, захватывавших не только массы и их вождей, но также осмысляющих и пишущих историю. В европейской истории трудно сравнивать любую другую эпоху с периодом между двумя мировыми войнами по напряженности идеологических поисков и переосмыслению всех предшествующих времен» [4]. Но поскольку в функции религии не входят анализ и оценка истории, постольку философским наследием русских философов воспользовались «идеологи консервативной революции». В анналах истории религии и церкви они упоминаются хотя и в благожелательном духе, но лишь как светские ученые, которые тщатся противопоставить свою мудрость мудрости церкви, вовлекая ее в создание образа революции в противовес промыслу божью. Это было очередным соблазном христианства вовлечь себя в мирскую смуту, тогда как церковь не от мира сего и равно, и покорно воспринимает всё происходящее как промысел божий. Поэтому дополнять образ революции или контрреволюции религиозными мотивами контрпродуктивно, так как «те, кто дружит с миром, враждуют с Богом». Следовательно, русские религиозные философы являются не просто философами, взявшими за основу религию, а и основоположниками нового общественного идеала в форме консерватизма.

Революционным лозунгом социальной философии русского консерватизма стал: «Вперед к созданию новой теории социализма», в которой и Кант, и Маркс, и их последователи должны были остаться позади, как пройденные этапы революционной мысли. Созданный ими образ духовной революции обладал интеллектуальной привлекательностью, во многом был созвучен умонастроениям консервативной части общества, но, к сожалению, не отражал материальных интересов, вокруг которых велась революционная борьба, а без их решения Россия уже не могла найти другие движущие силы для предотвращения революции. «Общест-

венная эволюция, – писал современник тех событий Г.В. Плеханов, совсем не исключает социальных революций, которые являются ее моментами. Новое общество развивается в «недрах страстей», но когда наступает время «родов», тогда медленный ход развития обрывается и тогда «старый порядок» перестает заключать новый в своих «недрах» по той простой причине, что он исчезает вместе со своими «недрами». Это и есть то, что мы называем социальной революцией» [5]. На деле происходило не противопоставление революции, а революции и антиреволюции, так как первая из них вполне уживается с эволюцией и в теории и в практике, а вторая от рассуждений об эволюции постепенно переходит к контрреволюционной агитации, как это и произошло в российской политической истории.

Столкновение революционизма и консерватизма породило такую энергию, которая по данной проблеме никогда больше не достигалась в социальной философии по причине неповторимости революционной ситуации XIX, XX вв., сложившейся под влиянием поляризации общества, разделенного на труд и капитал, имущих и неимущих, угнетателей и угнетенных. Все классы, участвующие в этих революционных боях, получили свой опыт формирования образа революции и под его влиянием, фактически, перешли к социальному консерватизму или реформизму. В этом процессе классы, а впоследствии, социальные группы стали продвигать и отстаивать собственные интересы путем трансформации классического капитализма в глобализм. Консерватизм, вступив в новую стадию своего развития, обеспечил тем самым себе право на новый этап в истории, что невозможно изменить, до исполнения им своей миссии. «Тем более разными, – пишет А.Г. Дугин, будут ценностные системы, защищаемые консерваторами в различных обществах. Содержание консервативной идеологии, например, в обществах светских, христианских и исламских будет категорически противоположным, подчас конфликтным» [2. С. 7]. Тем не менее, консерватизм как явление должен иметь нечто общее, что позволит ему самоидентифицироваться как направлению мысли, обозначению позиций, защиты интересов. Поэтому путь модернизации России, предлагаемый консерваторами, должен определить точки роста и движущие силы развития социального государства.

Как известно, надежды на предприимчивых граждан, которыми якобы полна Россия, на «социальную ответственность бизнеса» и т.д. пока привели только к истощению государственных ресурсов. Призывать чиновников, олигархов, предпринимателей, политтехнологов и так далее проявить сознательность и социальную ответственность, свернуть с пути сырьевой политики на путь инновационных технологий бесполезно. Проявить свою сознательность, а у них и до этого была масса поводов, которыми они не воспользовались и уже не воспользуются.

Возможно последующая история России будет связана с революциями как движущей силой социальных преобразований, но без опасности повторения Парижской Коммуны или 1917 года. Дело в том, что исторические события неповторимы, а опасны лишь те революции, которые призывают к силовому перераспределению собственности. Те революции, которые призваны совершить кардинальные перемены в сознании людей, как революция духа или коммуникационных связей – как информационная революция, в культуре – как культурная революция, в политике – как демократическая революция, в науке и технике – как научно-техническая революция не только не опасны, но и необходимы в динамике инновационного развития социума, что не противоречит идеологии консерватизма.

Общественное развитие, по своей сути, имеет либеральную основу и не сводится целиком к глобализму, вместе с этим и консерватизм стал выражать не только классовые, но и общечеловеческие интересы. В настоящее время трудно отрицать прогрессивную роль глобализма, изменившего лицо современного мира ра-

дикальнее, чем социальные революции. При этом искусственные революционные перевороты обычно замедляют развитие, так как не дают нового простора для производительных сил, которые были в зачаточном состоянии, так как всегда легче позаимствовать чужой опыт, чем приобретать свой. Например, Россия, не прошедшая периода классического капитализма, до сих пор демонстрирует потребность вернуться к его истокам и пройти путь капиталистического развития сначала. Об этом свидетельствуют попытки реставрации социально-производственных отношений, характерных для эпохи первоначального накопления капитала. Впрочем, эти политтехнологии так и останутся в сфере идеологии, в которой могут уживаться консерватизм и либерализм разных эпох. В материальной жизни общество подчиняется объективным законам, и преодолеть, например, технологическое отставание с помощью административных реформ не удавалось никому. Идеологическое разнообразие не является жестко детерминированным общественными условиями, и поэтому консерватизм, либерализм, социализм и т.д. могут мирно уживаться друг с другом в рамках правового поля, что и наблюдается в современной России.

Консерватизм как определенное идейное течение также подвержен череде взлетов и падений. Коренясь в общественном сознании, он позволяет разнообразить выражение различных социальных политических, религиозных форм и веяний. «Социал-консерваторы, – утверждает А.Г. Дугин, признают прогресс и эволюцию, но особый акцент падает на революцию, на радикальные действия во имя справедливости широких народных масс. В спектре социал-консервативных теорий и движений сплошь и рядом встречаются монархические тенденции. Революционность и стремление к осуществлению чаяний масс сочетается с авторитаризмом, лояльностью к царю, религии и традиционным ценностям» [2. С. 12]. Тем самым автор репрезентует консерватизм как межклассовое идейное течение, объединительной идеей которого является оправдание традиционных отношений, поскольку в них видят сохранение стабильности правового развития. Будучи многообразным и противоречивым, консерватизм, тем не менее, основан на позитивной оценке прошлого, что и обеспечивает ему преемственность и политическое долголетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Малько А.В., Мазуренко А.П.* О концепции правотворческой политики / Правотворческая политика в современной России. – Саратов-Минеральные Воды, 2009. – С. 6.
2. *Дугин А.Г.* Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // *Философия права.* – 2009. – № 4.
3. *Розанов В.В.* Религия и культура. – СПб. 1899. – С. 7.
4. *Руткевич А.М.* Времена идеологов. Философия истории «консервативной революции» // *Вопросы философии.* – 2008. – № 4. – С. 39.
5. *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков // *Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.* – М., 1956. – Т. 2. – С. 612.

Андреева Ольга Александровна

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: tp@mail.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371652.

Andreeva Olga Alexandrovna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: tp@mail.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371652.